

В последнее время Ли Минъюй жил по расписанию с девяти до пяти, словно превратился в настоящего офисного работника. Он не умел готовить, поэтому мог лишь помогать Ду Ицзэ с покупкой продуктов. Каждый вечер после работы они вместе ехали от виллы на склоне горы Гу Е в небольшой рынок в центре города. Со временем продавцы на рынке, тетушки и дедушки, уже узнали Ли Минъюя и мужчину, который постоянно простужался и носил маску.

На самом деле маска была не нужна. Ду Ицзэ уже давно выглядел совсем не так, как в детстве. Даже если бы на всех улицах висели его старые фотографии с объявлениями о розыске, он мог бы спокойно пройти мимо, и вряд ли бы кто-то его узнал. Тем не менее Ли Минъюй считал, что в большом городе слишком много глаз, и однажды принес домой коробку масок от смога, сказав:

— Теперь никто не подумает, что ты постоянно болеешь.

Помимо улучшения рациона, у Ли Минъюя также наладился режим сна. Хотя у него была привычка выпивать, с тех пор как в доме появился гость, он стал вести себя осторожнее, боясь, что его поведение вызовет недовольство. Частота ночных посиделок с выпивкой значительно снизилась до двух раз в неделю, и оба раза приходились на выходные.

Ду Ицзэ, в отличие от Ли Минъюя, не любил шумные компании. Он привык к одиночеству и в свободное время обычно сидел дома, чистя оружие. Ему дважды в неделю доставляли свежее мясо и овощи, поэтому ему действительно не нужно было выходить из дома. Если он хотел подышать воздухом, то делал это только ночью, как летучая мышь. Это было не из-за страха быть замеченным, просто ночь давала ему чувство свободы.

Ли Минъюй, лишившись ночной жизни в будни, мог только коротать время дома. Он пробовал смотреть телевизор с Ду Ицзэ, но в последнее время появлялось все больше мыльных опер, рассчитанных на молодых девушек, и обоим было скучно. Тогда они открывали пару бутылок пива, выходили на балкон, выкуривали по сигарете и рано ложились спать.

Вначале Ли Минъюй боялся пить перед Ду Ицзэ, опасаясь, что это вызовет у него неприятные воспоминания. Однако Ду Ицзэ сам купил в магазине различные виды алкоголя и поставил их в шкаф Ли Минъюя. Тот, стоя перед шкафом, размышлял: «Я не привык к этому заморскому пойлу!»

На следующий день Ду Ицзэ принес домой две коробки пива. Ли Минъюй не пил сразу, глотая слюну и притворяясь:

— Ничего, я вообще редко пью, не люблю. Я пил с ними просто для компании!

Позже он понял, что Ду Ицзэ на самом деле пил, просто не делал этого на людях, так как должен был отвозить его домой.

Эх, как же Ду Ицзэ заботлив!

Дома Ду Ицзэ пил умеренно, ограничиваясь одной-двумя банками пива, в отличие от Ли Миньюя, который любил смешивать разные напитки, пока его кожа не становилась розовой, как у креветки в теплой воде.

В этот вечер Ли Миньюй стоял в прихожей, переобуваясь перед выходом:

— У моего друга недавно родился ребенок, и они устраивают праздник в честь месяца. Я пойду поздравить.

Ду Ицзэ взял ключи от машины:

— Я отвезу тебя.

— Не нужно! Я поеду на метро. — Ли Миньюй открыл дверь. — Наверное, засижусь допоздна, не жди меня.

Из-за того, что Ду Ицзэ был в розыске и не имел водительских прав, Ли Миньюй не позволял ему водить днем. Поэтому Ду Ицзэ мог сесть за руль только поздно ночью, например, когда они возвращались после ужина и Ли Миньюй был слишком пьян, чтобы вести. Но сегодня он не знал, сколько продлится праздник, и не хотел заставлять Ду Ицзэ ждать его трезвым.

После обильного ужина и выпивки было уже за полночь. Ли Миньюй на этот раз перебрал, когда его друг предложил ему стать крестным отцом малыша. От радости он смешал красное и белое вино, и к моменту, когда он немного протрезвел, все уже разошлись. Друг похлопал его по плечу:

— Брат, я отвезу тебя домой.

— У тебя жена и ребенок, зачем тебе меня провожать? Ты что, думаешь, я девчонка? — Ли Миньюй икнул, и изо рта пахло алкоголем.

Он хотел ущипнуть пухлую щечку малыша, но побоялся причинить боль и остановил руку, зависшую в воздухе. Затем он легонько подтолкнул их:

— Идите домой! Я возьму такси.

Боясь, что супруги будут настаивать, он развернулся и, шатаясь, вышел из заведения, поймал желтое такси. Назвав адрес, он замолчал, опустил окно до упора, привалился головой к двери и, прищурившись, смотрел на золотистые фонари, мелькающие за окном. Ветер дул в окно, охлаждая его лицо. Похоже, осень действительно наступила, и зима не за горами. Зима в этом южном городе была суровой: долгая, сырая и холодная, проникающая до костей.

Ли Миньюй вспомнил малыша в пеленках и тихо засмеялся, но затем опустил глаза, задумавшись. С появлением ребенка в семье обычно приходится прощаться с бандитской жизнью, так что сегодняшний ужин был скорее «прощальной вечеринкой». На самом деле это

нормально, и нечего тут сокрушаться. Кто бы не хотел прожить спокойную жизнь? К тому же такая работа требует сил и молодеет с возрастом. Не будешь же в шестьдесят лет, дрожа, размахивать тростью в драке. Он вдруг представил, как он и Ду Ицзэ в старости дерутся с тростями, и снова засмеялся.

Когда такси высадило Ли Минъюя у подъезда, он, опершись на стену, пошатываясь, долго копался в карманах, прежде чем ругнулся:

— Черт, забыл ключи.

Он покачиваясь вышел на открытое пространство, пытаясь разглядеть, горит ли свет в его окне, но этаж был слишком высоким, и несколько светящихся окон сливались в размытые пятна. Смирившись, он достал телефон и набрал номер Ду Ицзэ.

Электронный сигнал прозвучал дважды, прежде чем трубку подняли.

— Я... ээ... забыл ключи, — пробормотал Ли Минъюй.

— Хорошо, я открою.

Ду Ицзэ встал с дивана, направляясь к видеодомофону, чтобы открыть дверь, но из трубки донесся тихий голос:

— Я еще хочу выкурить сигарету, чтобы протрезветь...

Это означало, что он хотел, чтобы Ду Ицзэ спустился.

Ду Ицзэ, увидев, как экран телефона погас, пошел в прихожую переобуться. Спустившись вниз, он увидел Ли Минъюя, стоящего в тени дерева. Тот не стал курить под ярким светом фонаря, поэтому Ду Ицзэ почти не видел его лица, лишь заметил, как человек махнул ему рукой. Подойдя ближе, Ли Минъюй с улыбкой протянул ему сигарету.

Ду Ицзэ взял пачку, вытащил одну сигарету и зажал ее между указательным и средним пальцами.

Ли Минъюй одной рукой поднес зажигалку, а другой прикрыл пламя ладонью. Ду Ицзэ тоже прикрыл пламя, слегка придвинув ладонь Ли Минъюя ближе, чтобы ветер не задул огонь.

Это был совершенно естественный жест, но сердце Ли Минъюя вдруг пропустило удар, и он немного протрезвел.

Пламя внезапно погасло.

Ду Ицзэ, увидев, что Ли Миньюй не зажигает, легонько коснулся его ладони и поднял взгляд.

Ли Миньюй, опомнившись, попытался зажечь зажигалку, но несколько раз провел пальцем по колесу, и только искры вылетели.

— Дай я.

Ду Ицзэ взял зажигалку, и они поменялись ролями: теперь Ли Миньюй прикрывал пламя, а его рука легла на ладонь Ду Ицзэ. На самом деле он не хотел класть руку на ладонь, но у него больше не было ничего в руках, и просто стоять с руками в карманах или на бедрах казалось странным.

Рука Ли Миньюя застыла, пальцы были вытянуты и неестественно напряжены. Он почувствовал, что ладонь Ду Ицзэ была холодной, вероятно, от ветра.

Оранжевое пламя вспыхнуло, и лицо Ду Ицзэ озарилось теплым светом. Ли Миньюй увидел тонкие сосуды на его веках и четкие контуры губ, как будто вырезанные ножом. Теплый свет слегка дрожал от ветра.

<http://bllate.org/book/15266/1347250>